

Сокращения, используемые в основном тексте и примечаниях

Ad/Bn – Teodor Adorno / Walter Benjamin. Briefwechsel. Frankfurt a/M., 1994.

AGS – *Adorno T.* Gesammelte Schriften. Hg. v. R.Tiedemann. 20 Bd-e. Frankfurt a. M., 1970–1986.

DGS – *Dilthey W.* Gesammelte Schriften. Göttingen. 1911 –

EPhWth – Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Stuttgart, 1995–96; ²2004.

HGA – *Heidegger M.* Gesamtausgabe. Frankfurt a.M., 1976 –

Hua – Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke. Den Haag, 1950 – ; Dordrecht, 1972 –

KS – *Krakauer S.* Schriften. Frankfurt a.M., 1985.

L – *Löwenthal L.* Gesammelte Werke. Frankfurt a.M., 1984 –

SZ – *Heidegger M.* Sein und Zeit.

SGW – *Scheler M.* Gesammelte Werke. Bern; N.Y., 1975 –

SSW – *Schopenhauer A.* Sämtliche Werke.

W – *Wiggershaus R.* Die Frankfurter Schule. München; Wien, 5. Aufl. 1997.

Z – *Sloterdyke P.* Kritik der Zynischen Vernunft.

B – *Вебер М.* Избранные работы. М., 1990.

Д – *Дильтей В.* Собрание сочинений. М., 2000 –

Дв – *Давыдов Ю.Н.* Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977.

Дм – *Дмитриев А.Н.* Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. СПб.; М., 2004.

М/Э – *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. М., 1956 –

Ш – *Шелер М.* Избранные произведения. М., 1994.

ШРесс – *Шелер М.* Рессентимент и структура моралей. М., 1999.

Собрания сочинений цитируются с указанием тома римскими цифрами и арабскими – страниц.

Horkheimer M. Gesammelte Schriften. Hrsg. von A. Schmidt u. G.Schmid Noerr. 18 Bde., Frankfurt am Main 1985 –

Введение

Во второй части книги мы приступаем к исследованию наиболее насыщенных и ярких десятилетий в философском творчестве Макса Хоркхаймера и Франкфуртской школы в целом. Идеям, сформулированным в этот период, была уготована наиболее долгая жизнь. Многолетняя деятельность Хоркхаймера оставила следы в самых разных областях гуманитарного знания. Он начинал как *марксист*. Институт, которым он руководил начиная с 1929 г., был формально нацелен на развитие *социальной теории*, которая, в соответствии с практикой того времени, отчасти понималась как *политическая наука*. Печальные события Европы определили главные доминанты этой науки: исследование *власти* и *господства*, таких форм устройства общества, которые обозначались как «*диктатура*», «*тоталитаризм*» – что было вызвано феноменами *нацизма* и *антисемитизма*. С середины 1930-х гг. появляется еще одна область, определяющая философию Хоркхаймера, – *критическая теория*. Все эти области интереса нашли свое отражение в главном и наиболее известном сочинении этого периода – «Диалектике Просвещения» (1947), написанном Хоркхаймером в соавторстве с Теодором Адорно. Эта работа объединяет обозначенные темы в рамках эпохальной историософской концепции – радикальной критики западноевропейской культуры в целом, берущей свое начало с древнегреческой мифологии и избирающей идею просвещения как главный ее итог. Некоторые специфичные для обоих соавторов интересы и убеждения определили появление в «Диалектике Просвещения» дополнительных тем этого произведения – проблем искусства и философии, критику позитивизма и инструментального разума. Особенностью

последующей рецепции «Диалектики Просвещения» оказалось то, что именно эти, «второстепенные», т. е. подчиненные главной историософской идее фрагменты подверглись наиболее серьезной рецепции в последующие десятилетия, тогда как общая историческая концепция если и не была отвергнута, то все же не оказалась поддержанной следующим поколением Франкфуртской школы.

Помимо чрезвычайной актуальности осмысления тем, поднятых Хоркхаймером в поздний период творчества, есть еще одно обстоятельство, определяющее то, что именно он как самостоятельная фигура (а не, к примеру, Франкфуртская школа в целом) стал предметом интереса данной монографии. Несмотря на богатство идей и еще более значительный резонанс, который они, частично поняты и переиначенные современниками приняли, сама фигура Хоркхаймера все еще находится в тени не только его знаменитого и яркого соавтора, но и последующих поколений. Итак, что мы знаем сегодня о нем? «Левый теоретик», «представитель западного марксизма», «основатель философской школы» (получившей название по месту своего появления – г. Франкфурт). Все эти характеристики верны. Однако анализ философского творчества и административной деятельности Хоркхаймера важен в первую очередь потому, что вместе с основанной им Франкфуртской школой социальных исследований в философии и, в целом, в самосознании XX в. начинается нечто, имеющее весьма далеко идущие последствия для современной мысли.

Темой данной работы является исследование истоков одной из наиболее известных и влиятельных школ современности и того «нечто» ее влияния, которое обыкновенно ограничивают областью политической теории. Исследование влияния школы мы начинаем с

анализа философских и социальных идей Хоркхаймера, считавшегося ее основателем, а также с изучения интеллектуального контекста их возникновения. Решение этой задачи требует рассмотрения также и более широкой взаимосвязи интеллектуальных течений первых десятилетий XX в.

Обращение к истории школы отчасти имеет «деструктивные» (в хайдеггеровском смысле) намерения: необходимо выяснить происхождение некоторых сомнительных схем восприятия критической теории как философского направления.

* * *

В обеих частях книги принята отдельная нумерация глав и параграфов; при отсылке читателя к *первой* части в скобках добавляется «Ч. 1». В основном тексте содержатся ссылки только на наиболее важные работы (в первую очередь – самого Хоркхаймера; они даются с указанием тома и страниц).

* * *

§ 1. Актуальность Хоркхаймера

Нам еще придется говорить о том, в какой мере сохраняется актуальность идей Хоркхаймера. Этот вопрос разделен на несколько частных: в чем заключается актуальность *внутри* основанной им традиции и как она сочетается с признанием и памятью *вне* ее. Конкретнее их можно сформулировать следующим образом.

1. Какое место идеям Хоркхаймера отводят представители самой Франкфуртской школы, насколько востребованными оказались его идеи среди современных франкфуртцев? 2. В какой форме сохраняется память об идеях этого теоретика в современных философских школах? 3. В какой мере эта память присутствует в современной общественно-политической жизни западных стран, в том числе в обыденной культуре?

Ответ на первый из вопросов уместнее дать после изложения философских идей Хоркхаймера. Ответ на третий – после изложения его теории культуры. А со *второго* можно начать.

В разные периоды как сам Хоркхаймер, так и его коллеги предпочитали обозначать себя согласно определенным доминантам своего мышления, то становившимся приоритетными, то, наоборот, отступающим на второй план в зависимости от конкретных исторических обстоятельств. Ими были:

– идеал *социально* и *политически* ориентированной науки (эта максима предполагала также реализацию принципа *сотрудничества* наук);

– идеал философии как *критической* дисциплины; выявление различных *типов власти*.

Хоркхаймер не был безусловным новатором в реализации последнего из идеалов – к середине XX в. идеи *критической* философии к тому времени насчитывали уже не одно столетие, не говоря уже об античных прецедентах. К тому же, его представления о критичности, в свою очередь, были во многом внутренне противоречивы. Несмотря на все это, исследования Хоркхаймера все-таки дали мощный импульс развитию философского знания.

Многие мыслители до него, в том числе К.Маркс, на которого франкфуртцы часто опираются, утверждали, что философская рефлексия есть по преимуществу реф-

лекция социальная и политическая. Однако Хоркхаймер стал, вне всякого сомнения, одним из немногих, кто занялся *систематической пропагандой* такого понимания философии. Если отвлечься от идей «сотрудничества» наук, основывающихся на единстве всей системы знания, то Хоркхаймер был одним из первых в XX в., кто начал ратовать за союз самостоятельных и независимых дисциплин. *Власть* государства, общества над индивидом неоднократно анализировалась философами – однако феномен *анонимной* власти социума в XX в. впервые открывают М.Хайдеггер и М.Хоркхаймер.

Однако что же стало со всеми этими идеями к концу XX в.? Слово «*критичный*» почти повсеместно стало употребляться (и пониматься) в качестве синонима не только «современной» философии, но и философии вообще¹, и имя Хоркхаймера смешалось с именами множества его современников, также говоривших о критичности и критицизме. Вдобавок к этому, начиная с 1960–1970-х гг. «критику» и «критицизм» все больше берут в оборот науки, так или иначе связанные с литературой. Сотрудничество же наук давно известно под именем *интер-* или *междисциплинарности*. По мере возрастания остроты и масштаба проблем, стоящих перед человечеством, идеал знания как знания *социального* обретает все бóльшую популярность, а количество публикаций о феномене *власти* в самых разнообразных его проявлениях едва ли поддается обзору. Причем, поскольку в осмыслении этой проблемы заинтересованы самые разные социальные группы, добывающиеся своего общественного и/или государственного *признания*, «власть» пытаются обнаруживать повсюду.

Таким образом, все, что в первые десятилетия XX в. могло казаться *задачей*, *целью* – теперь уже достигнуто и может считаться общим достоянием, наследием традиции;

поскольку это воспринимается в качестве традиции, за нее продолжают *сражаться*. Вспоминать по каждому из этих поводов Хоркхаймера не представляется целесообразным².

Так и получилось, что в число современных теоретиков, значимых для международных отношений (политики), Хоркхаймера не включают. Составители сборника статей «Критические теоретики и международные отношения» (2009) сообщают, что из «основных школ» современности – марксизма и постмарксизма, Франкфуртской школы, герменевтики, феноменологии, постколониализма, феминизма, исследований гомосексуальности постструктурализма, прагматизма, научного реализма, деконструктивизма и психоанализа – выбраны 32 «важных теоретика», работы которых оказали влияние на теорию современной политики. Вот эти имена: Георгий Агамбен, Теодор Адорно, Ханна Арендт, Алан Бадью, Юдит Батлер, Рой Баскар (Bhaskar), Вальтер Беньямин, Симона де Бовуар, Пьер Бурдьё, Поль Верилью, Г.В.Ф.Гегель, Антонио Грамши, Жиль Делёз, Жак Деррида, Славой Жижек, Иммануил Кант, Юлия Кристева, Эммануил Левинас, Карл Маркс, Жан-Люк Нанси, Фридрих Ницше, Жак Рансьер (Rancière), Ричард Рорти, Эдвард Саид (Said), Гайатри Спивак (Gayatri Chakravorty Spivak), Франц Фанон (Fanon), Зигмунд Фрейд, Мишель Фуко, Юрген Хабермас, Мартин Хайдеггер, Карл Шмитт³. Разумеется, любые подборки и коллекции такого рода следует воспринимать скорее как отражение философской моды и характеристику позиций философского сообщества, к которому принадлежат составители. Для темы данной книги важно отметить, что из всех франкфуртцев в качестве наиболее значимых теоретиков выделяют Адорно и Хабермаса. Как видим, и в данном случае для Хоркхаймера подобающего места не нашлось.

§ 2. Новое время. Современность. Модерн

Обсуждение актуальности тех или иных мыслителей или их идей зачастую оперирует понятием современности, которое само по себе достаточно смутно, а во Франкфуртской школе имеет, к тому же, еще и запутывающее добавление – модерн (модернити).

Один из тезисов первой части этой работы о Хоркхаймере заключался в том, что сообщество, постепенно складывающееся вокруг него, довольно разнородно по своему идейному происхождению, интересам, однако всю эту разносторонность интересов объединяет желание предложить новый образ философствования. Он оказывается ориентированным в значительной мере не только на методологию марксизма (что традиционно отмечается в отношении франкфуртцев), но также и на внефилософские, околофилософские формы и темы и методы (см. Ч. 1. §§ 12–13, 16–17; об этом также пойдет далее речь в разделах об «Индустрии культуры» – ср. § 58 сл.). Говорилось и о том, что новый тип философствования Хоркхаймер и его коллеги активно сочетают с институциональной деятельностью, которая должна подкрепить, укоренить предлагаемую ими реформу философского знания (Ч. 1. §§ 33 сл.).

Однако есть еще два принципиальных момента, также проявляющихся в теоретической деятельности франкфуртцев. Речь идет, во-первых, о *концепциях истории философии*, которые они предлагают в своих работах («Диалектика Просвещения» – наиболее известное из них). Подобные конструкции, общие теории, предлагающие трактовки развития (или упадка) метафизики (философии/науки) совершенно необходимы для любого мыслителя, который – как Хоркхаймер и его коллеги – не довольствуется частными задачами развития, совершенствования тра-

диционно сложившихся дисциплин, отраслей той или иной области знания⁴. Они необходимы *структурно*, как такой элемент построений, который связывает воедино частные концепции авторов по поводу развития философии, наук и культуры. Чем более масштабны предлагаемые мыслителями изменения, тем более «сильной» оказывается его интерпретация предшествующей традиции, чем более глобальна и претенциозна интерпретация, тем к более ранним периодам исторического прошлого предполагается возвращение: «соревнование» интерпретаций происходит также и в аспекте *давности* периода, которые удается включить в историко-философскую схему⁵. Во-вторых, любая новая сильная концепция историко-философского развития *нуждается также и в новых маркировочных символах*, которые бы задавали новое видение соотношения между эпохами. Если для непосредственных предшественников философии истории – Хоркхаймера и Адорно (Гуссерля и Хайдеггера) главной «эпохой-символом», по отношению к которой определялась предлагаемая коррекция, было Новое время (*die Neuzeit*)⁶, то Франкфуртская школа все более активно использует уже другую метку-символ: *модерн* (*das Moderne*)⁷.

Насколько существенна модификация, которая может скрываться за этим новым термином?

Первый *содержательный* вопрос, с которым следует определиться, это что такое *современная* философия. Когда она начинается? Что является критерием ее современности сегодня? То же ли самое – современность и актуальность? Второй *содержательный* вопрос – что такое современная *философия*? Ставить его вроде бы не к месту, поскольку все мы уже имеем представление об этой специальности еще со времен нашего первого введения в дисциплину.

С определенными оговорками можно принять следующий тезис: философия сегодня – это как раз и в первую очередь *современная западная философия*. Он означает всего лишь признание того факта, что основные параметры философского знания, из которого мы сейчас исходим, которые имплицитно имеем в виду, сложились именно в рамках *западноевропейской* традиции, к которой мы формально принадлежим (даже если наши симпатии отданы, скажем, китайской или индийской традиции).

Для отечественной традиции современная (западная) философия есть *то*, что признано таковой в рамках этой самой европейской традиции и что в ней «принято считать» таковым. Принято датировать ее примерно с середины XIX в., или, точнее, с 1831 г. – года смерти Гегеля и времени первых постгегельянских школ, а также заметной активизации позитивизма. Этот рубеж, конечно, условен, в нем заключены остатки влияния философии марксизма-ленинизма, господствовавшей у нас в 1920–1980-е гг. и сохраняющейся под другими наименованиями по сей день. Тогда были определены три источника и три составные части марксизма, причем один из них – т. н. немецкая классическая философия – как раз и считался завершившим свое развитие к тому времени. Впрочем, только отчасти такая периодизация идеологична – она используется также известным исследователем Г.Шнедельбахом. Подобное представление о периодизации было закреплено в первых десятилетиях XX в., и, кстати, руку к тому приложили и неокантианцы и их последователи (Виндельбанд и др.). Именно они после Гегеля в значительной мере способствовали тому, что история философии стала отдельной дисциплиной в рамках философии. Как известно, традиция неокантианцев была сильна и в России.